

A scenic landscape featuring a winding asphalt road that curves through a valley. The road is flanked by green grass and several tall, dark evergreen trees. In the background, there are rolling hills and mountains under a dramatic sky with scattered white clouds and a vibrant rainbow arching across the horizon. The overall atmosphere is serene and natural.

Виктория Фельдман

Эмигрантская
ЖИЗНЬ
Продолжение

Виктория Фельдман

**Эмигрантская жизнь.
Продолжение (сборник)**

«Виктория Фельдман»

2018

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

Фельдман В.

Эмигрантская жизнь. Продолжение (сборник) / В. Фельдман —
«Виктория Фельдман», 2018

ISBN 978-5-00071-084-5

Еврейская эмиграция вызванная разрушительной для страны Перестройкой, вот тема повестей и рассказов. Автор является участником-очевидцем, пережившим весь этот ужас, после которого хотелось бежать куда глаза глядят. Покидая насиженные места, переселенцам казалось, что везде похожая жизнь. Спустя время стало понятно, что это далеко не так. Автор на личном примере рассказывает о трудностях на новом месте, с которыми столкнется каждый. Сами рассказы одновременно комические и трагические. Они публикуются для того, чтобы прочитав их, те которые решают для себя, что «Ехать надо», представят себе, что их ждет там, за бугром.

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-084-5

© Фельдман В., 2018

© Виктория Фельдман, 2018

Содержание

Виктория Фельдман	6
Каждому свое	8
Семейная сага	12
Украина 1944 год	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктория Фельдман

Эмигрантская жизнь. Продолжение

© Фельдман В., 2018

© ООО «ЛИТЕО», 2018

Виктория Фельдман

Родилась в Одессе. По профессии инженер. Переехала в Германию на постоянное место жительства в 1993 году. Имеет двух сыновей, которые тоже живут и работают в Германии.

Я люблю свой город, он стал мне родным. Его улицы и скверы, бульвары вдоль рек и большое количество цветов вокруг. Но больше всего трогает мою душу цветущая акация под окном. Улыбающиеся и добрые люди.

Много лет прошло с того времени, когда я пересекла границу бывшего Советского Союза и оказалась без знания языка, одна с двумя чемоданами и 100 ДМ в кармане в чужой незнакомой для меня стране. Я смотрела на все с удивлением. Окружающий мир был для меня каким-то нереальным. Мне думалось, что я играю роль в чужом фильме, а сюжет его неизвестен. Мне было совершенно непонятно все в этой стране: – язык, одежда, порядки, отношения между людьми, правила поведения. Я всегда была уверена, что приехав из крупного портового города, который в Советском Союзе считался центром культуры, я многое знаю и умею. Однако попав в новый для меня мир, чувствовала себя в свои 45, совершенной школьницей.

Первое время незнакомая новая жизнь шла параллельно со мной, моим сознанием. Я наблюдала все со стороны. Так же как и я жили многие, они продолжали собираться на кухнях в новых своих социальных квартирах и делиться новостями. Ну, просто точно, как в той жизни. Но пришло время и мне просто надоело наблюдать. Я устроилась на работу, конечно не по профессии. Там, в прошлой жизни я была инженер-экономист на крупном заводе. А здесь? Но все прекрасно знают, что если не получить курсов переподготовки, (а мне был почти 50), не иметь связей, о профессии нужно забыть. А выживать было необходимо. Естественно, как и многие, в первый год жизни здесь, каждый день звонила в оставшийся далеко родной город. Выбирала вещи из склада красного креста и отправляла все это автобусом на бывшую родину, что бы оставшиеся там родственники не умерли с голоду. Но время шло, и я, все больше входила в новую жизнь.

Очень трудно давался мне новый язык. Сколько я прошла языковых курсов, сказать сложно.

Но мне улыбнулась удача, я нашла друзей. Мы объединили свои усилия и открыли Кафе. Работа была сложная. Это всем вначале, кажется, что работать в собственном кафе не надо, а деньги можно грести лопатой. Не хочется всех разочаровывать, но это далеко не так. Работать пришлось по 14 часов в сутки. Местный народ вначале очень опасно заходил к нам. Но мы старались понравиться и народ появился. Работа пошла активно. Иногда приходили «наши». Те самые, которые привыкли сидеть на кухнях. Они, подходя к дверям, боялись зайти. стояли на улице, пока я не выходила и за руку не заводила их в зал.

Были среди наших посетителей и пожилые эмигранты из стран СНГ, приехавшие по еврейской эмиграции. Им очень необходимо было общение. Пришлось договориться с руководством еврейской общины и организовывать встречи на их территории. Часто приходилось приглашать музыкантов, артистов, лекторов.

Однажды в городской художественный музей русские искусствоведы привезли картины из Ленинградского Эрмитажа. Руководство музея предложило организовать русский праздник. Пригласили и нас. Мы приготовили много всего: русской еды, русской водки, русский самовар, пригласили русских музыкантов. Праздник удался. Немцы еду раскупили, чай из самовара пили с удовольствием. Опьяневшие немцы под конец праздника вместе с музыкантами распевали «Катюшу».

Когда приняли новый закон о совете иностранцев, общество рекомендовали меня кандидатом в совет. Прошло время и, меня выбрали.

Сложно начинать политическую деятельность в 56, но очень интересно.

Жизнь вообще штука замечательная. Всегда нужно верить в удачу и она придет.

Каждому свое

В нашем доме всегда был культ детей. Детей баловали, холили, они всегда получали все самое лучшее. Моя мать была женщиной строгой, но меня, как первенца, любила и жалела. Ей всегда чудилось, что именно со мной может случиться что-то плохое. Мне, конечно, такие предчувствия были в тягость. Но, когда в доме действительно случилась беда, умер мой отец, я стал больше времени проводить с семьей. Мне казалось, что я для моей мамы значу многое. Именно с моей учебой и карьерным ростом были связаны все ее помыслы и надежды. Ведь все знали, что стать инженером, а потом руководить группой в престижном институте-для еврейского мальчика было очень важно.

Время шло, моя мама вышла на пенсию, а я все ходил в солидных женихах.

Сестра моя была девочкой более свободной и независимой – мой, чем я. Она не была предназначена продолжать фамилию, и за ней не наблюдали так, как за мной.

В 25 лет она удачно вышла замуж, родила дочь и полностью перебралась к мужу. И я остался вдвоем с мамой. Теперь контроль надо мной стал повсеместным. Что ел и что пил, с кем говорил по телефону, почему на 15 минут задержался после работы. Я старел, и ко мне во сне приходила молодая и длинноногая красавица. Мама при этом вполне счастлива, а дальше – много детей. Однако, сны развеивались, реальность не радовала. Зарплату платили все меньше и с перебоями. Брюки совсем протерлись и туфли прохудились. Голова стала сесть, а спина сутулиться. Я все яснее понимал, что шансов на молодую и длинноногую у меня с каждым днем все меньше.

В один из очень безрадостных периодов меня направили в город Рязань, на научную конференцию. Конференция была очень скучной. Я решал шахматные задачи на маленьком компьютере. Справа от меня сидела миловидная женщина лет 36-ти, которую тоже заинтересовали шахматные головоломки. Она попросилась посмотреть, и мы стали решать вместе. После конференции мы отправились гулять по городу, зашли в недорогой ресторан пообедать. Я оплатил заказ и, наконец, почувствовал себя мужчиной.

То, что женщина была не очень молода и не длиннонога, оказалось совсем несущественно.

Она приехала из Ленинграда. Тоже математик. Рассуждала грамотно и толково. Почему она не была замужем, я не спрашивал. Меня в данной ситуации устраивало все. Слава богу, мама не звонила и не интересовалась, что я ел на обед. Как оказывается, хороша жизнь, когда ты имеешь друга. Жили мы в гостинице на разных этажах, но это нам не мешало каждый день встречаться.

На третий день, после обеда, мы зашли к ней в номер. На столе чай и печенье. Кругом тишина. Тут мне очень захотелось ее обнять, а дальше все произошло само собой. Я даже не очень помню, как мы оказались с ней в постели. Я чувствовал себя совершенно неподготовленным школьником, а она тихо все время говорила: «Ну, погоди, не так! Не спеши!»

Последние дни конференции мы с утра отмечались в бюро, а после первой паузы исчезали и до конца дня находились в ее номере. Нам это нравилось все больше и больше. Но вот и время командировки подошло к концу. Пора было домой, к маме. Моя новая пассия ни на что не претендовала. Я твердо решил. Поеду к ней в Ленинград с предложением руки и сердца, распишемся, а там будь, что будет.

Мама встречала меня очень радостно. Наконец-то сыночек дома. Она никак не могла понять, что я уже давно вырос. Ничего ей не сказав, я через неделю уехал в Ленинград. Боже, как радовалась Вера. Она принимала меня по – королевски, хотя жила примерно в такой же

«хрущевке» и ее финансовое положение было почти, как мое. Мы подали заявление в Загс, но сразу не расписывали. Приходите через месяц, – сказали нам. Мы очень из-за этого расстроились. Но закон есть закон, и я снова уехал к маме.

Прошел месяц переживаний и звонков. Все вроде налаживалось. Я пытался несколько раз завести с мамой беседы о моей предполагаемой женитьбе, не называя при этом ничьих имен, чтобы не вызывать у нее подозрений. Мама намеков не понимала, потому что не видела предмета моих желаний. Она считала меня неудачником и закостенелым холостяком. Основной ее фразой было: «Что ты, сыночек. Нет такой девушки, которая могла бы заменить тебе мать, а вместе мы не уживемся. Да и поздно уже, твое время ушло.»

Я все это слушал и втайне, как нашкодивший мальчишка, радовался тому, что будет. А вот и месяц прошел. Я снова в Ленинграде. Мы с Верой расписались и пошли в ресторан. А потом я предложил Вере поехать со мной в Москву. Она сильно волновалась, но согласилась. Я купил большой букет цветов, позвонил маме, что приехал не один и попросил ее подготовиться к встрече. Мама, конечно, не ожидала, но, благодаря своему дворянскому воспитанию, надела на лицо дежурную улыбку. Вечер в нашей новой семье прошел относительно спокойно.

На другое утро моя жена поехала в Ленинград за вещами. В ее квартире осталась жить ее родная сестра, которая из-за Веры не могла выйти замуж.

Как только Вера уехала, моя мама ворвалась ко мне в комнату с гневным лицом.

– Как ты мог! – кричала она. – Почему ты со мной не посоветовался, она тебе совсем не подходит! Как же мы теперь будем жить? Это что же, в доме еще одна хозяйка?

Я молчал, заранее ожидая подобного скандала. Потихоньку шум затих и мама ушла к себе. А через неделю приехала Вера с вещами и у нас началась новая жизнь.

Как положено, через 9 месяцев у нас родился сын. Когда мы с мамой забрали ее с ребенком из роддома, мама заявила, что сама будет воспитывать внука.

Я был совершенно счастлив, ведь теперь можно было с уверенностью сказать, что я прожил свою жизнь не напрасно.

Но тут вскоре грянула, как гром среди ясного неба, политическая борьба между Горбачевым и Ельциным. Все полетело в тартарары. Мое НИИ закрыли, и мы всей семьей остались не у дел. Моя жена вспомнила, что можно попробовать выехать в Германию.

Она долго оббивала пороги всяких организаций, собирая документы, и вот мы в пути, конечно, вместе с мамой.

Первое место нашего пребывания на ПМЖ – общежитие в маленькой немецкой деревушке.

Поселили нас всех в одной комнате, где стояли двухъярусные кровати. За все время пребывания в общежитии мама не произнесла ни слова. Она была шокирована условиями жизни. Она не понимала немецких телевизионных программ, она боялась выходить на улицу. Ей в тот год исполнилось 70. В глазах ее читался постоянный ужас. Прожив в таком напряжении 4 месяца, она попросила разрешения поехать в Москву, проведать дочку.

Я купил ей билет на поезд до Москвы и мы с Верой и Костиком проводили ее на вокзал. Билет был в два конца, она должна была вернуться через неделю. Каково же было наше удивление, когда за 2 дня до ее приезда позвонила сестра из Москвы и сообщила, что мама назад не вернется, а все вещи просит выслать ей попутной машиной.

Теперь мы остались втроем и наша жизнь опять переменялась. Мы нашли жилье и решили переехать, ребенку пора было в школу.

Мы прошли наш путь, как вся еврейская иммиграция, – общежитие, курсы немецкого языка, интеграционные курсы по поиску работы и большие проблемы с трудоустройством. Время шло, а найти работу было практически невозможно.

Мы писали везде, что можем работать инженерами или преподавателями математики, но, из-за отсутствия правильного немецкого, нас нигде не брали. Я приобрел компьютер и все свободное время учил язык. А Вера, как любая женщина, была вся в заботах. Совершенно случайно ей повезло, и она нашла работу по уходу за больной еврейской бабушкой, бывшей жительницей Ленинграда.

Эта работа была очень непривычна, но что делать, ведь не работать тоже нельзя. Эта бабушка уже отпраздновала 80 лет. К моменту встречи с Верой она прожила в Германии более пяти лет. Приехала в Германию с дочкой, зятем и внуком. Однако, все прежние отношения в чужой стране разрушились. Дети посещали ее редко, а внук вообще переехал учиться в Берлин. И бабушка, которая всю жизнь была окружена людьми, осталась совсем одна.

– Ой, деточка, – говорила бабушка, когда Вера бралась за тряпку и веник.

– А знаете ли Вы кем я была в моей жизни? Я преподавала музыку в Институте им. Гнесиных. Мне выпало большое счастье учиться у такого выдающегося музыканта, как Генрих Густавович Нейгауз. Он родился в 1888 году в Кировограде, в семье русских немцев, и с семи лет прекрасно импровизировал на фортепиано. А вот с 19-ти – начал самостоятельную музыкальную карьеру. Я вам расскажу о нем.

В 1904 году молодой музыкант выступал в городе Дортмунде на фестивале, а также участвовал в концертах по Германии. Немецкая пресса превозносила успехи юного музыканта, и его приняли в «Германскую Высшую школу мастерства» под руководством Леопольда Годовского. После окончания школы он возвратился в Петербург, где поступил в консерваторию. К началу Великой Отечественной войны известного музыканта сажают в тюрьму только потому, что он по происхождению немец.

В 1942 году московская консерватория была эвакуирована в Свердловск, где в то самое время жила и моя семья.

Я к этому времени училась в последнем классе школы. Чтобы прокормиться, мне приходилось после школы работать на железной дороге. Холод, мороз достигал 30 градусов, это было ужасно!

Бабушка останавливает рассказ и закрывает глаза.

– Ой, деточка, как я устала, и так страшно все это вспоминать. Я лучше в следующий раз расскажу вам, что было дальше.

Прошла неделя, и Вера снова взялась за тряпку и швабру.

А бабушка Александра Яковлевна, вдруг вспомнив свой прежний рассказ, решила его продолжить.

– Помните деточка, о чем я вам рассказывала? – спрашивает она.

– Да, конечно, – отвечает Вера.

– Так вот, – продолжала бабушка, – в 1942 году Нейгауза освободили из тюрьмы и он там, в Свердловске, начал набирать учеников путем конкурсного отбора. Ой, вы знаете, когда я узнала, что меня приняли, чуть с ума не сошла от счастья. В то незабываемое время быть ученицей Нейгауза считалось очень почетным.

В 1944 году консерватория вернулась в Москву. Нейгауз пригласил и меня переехать, и продолжать учебу. Это письмо я сохранила до сегодняшнего дня, вот оно в рамке. Я была зачислена на 4 курс консерватории, которую закончила в 1945 году. Мой диплом был подписан самим Шостаковичем. А самые известные ученики Нейгауза – это Святослав Рихтер и Александр Ведерников. У Нейгауза еще был сын Станислав Генрихович, который тоже стал замечательным музыкантом.

Бабушка, устав от рассказа, опустила на диван и уснула.

А Вера продолжала свое благородное дело по уборке.

Живя в Германии, мы познакомились со многими соотечественниками, которые также, как и эта бабушка, прожили яркую интересную жизнь.

Так шли дни, месяцы. А через год, мне предложили работу инженера на севере Германии. Я был так счастлив, что все остальные проблемы просто испарились.

Мы переехали в крупный город, где бурлит настоящая жизнь и где, наконец, мы почувствовали себя «белыми людьми».

А моей маме я шлю посылки с немецкими лекарствами, и она чувствует себя хорошо на родине. Она не смогла привыкнуть к чужбине. Каждому – свое.

Семейная сага

Украина 1944 год

После страшных лет фашистской оккупации, на юг Украины вместе с весной пришло освобождение. Советская армия успешно занимала город за городом. Наконец-то и Одесса вздохнула полной грудью. Из Сибири и средней Азии начали возвращаться жители. Сколько надежд, сколько новых планов!

Но, вернувшиеся не узнавали родной город. Город был разрушен, не было света, не ходил транспорт. Во время оккупации в городе бесчинствовали румыны в компании с местными украинскими националистами-бандеровцами, руки которых были по локоть в крови. Это те самые, которые состояли в нацистских батальонах. Увидав, что румыны уходят, украинские мародеры поняли, что пришла другая власть. Продажные бандиты срочно решили перестроиться и, поменяв идеологию, остаться в городе. Пустых квартир по городу стояло много, занимай любую. А свидетели их кровавых бесчинств, все равно все расстреляны и, похоронены в общих могилах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.